

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЙСТВИЙ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В.С. Соркин

Аннотация

В настоящей статье исследуется перечень вопросов, связанных с установлением психологического контакта между защитником и подзащитным. Обращается внимание на использование различных психологических аспектов в деятельности защитника, в том числе виктимологического характера.

Введение

Для защитника условия формирования психологического контакта с подзащитным характеризуется эмоциональной насыщенностью, динамичностью, высоким уровнем неопределенности и принудительным характером общения. Поэтому такие элементы, как «эмоциональное доверие», «согласованность действий» и «готовность к общению» присутствуют в содержании психологического контакта лишь тогда, когда цели подзащитного и защитника совпадают. Их можно считать промежуточным результатом деятельности защитника по формированию контакта. Психологический контакт, включающий в себя названные элементы, можно считать идеальной формой отношений защитника и подзащитного. Защитник должен стремиться к созданию именно такой формы психологического контакта.

Однако в реальности, установление защитником психологического контакта с подзащитным не такое простое дело. Оно требует от адвоката терпения, настойчивости, психологического мастерства. Практика показывает, что во взаимоотношениях с другими людьми нередко руководствуются лишь симпатиями и антипатиями, которые первоначально могут возникнуть на основе реальных фактов, но в последствие будут определять все дальнейшие отношения.

Основная часть

В момент встречи отношения подзащитного к защитнику определяются больше чувствами, чем разумом. Поэтому для первой встречи необходимо подготовить первую фразу, первые действия, которые могут вызвать положительные эмоции подзащитного. В связи с этим можно проявить доброжелательность, поинтересоваться состоянием здоровья подзащитного. Первое впечатление о защитнике часто имеет решающее значение. Например, если подзащитный оценил защитника негативно («Он мне сразу не понравился...»), то эта оценка будет определять его последующее общение с защитником. Первая встреча еще не омрачена обидами и неприязнью, поэтому и защитник, и подзащитный надеются на положительный результат общения: защитник рассчитывает получить от подзащитного правдивые показания о

расследуемом преступлении, а подзащитный делает ставку на то, что «выберется» из этого дела с минимальными потерями.

Первое впечатление – это сложный психологический феномен, включающий в себя чувственный, логический и эмоциональный компоненты. В него входят те или иные особенности облика и поведения человека. В него входят те или иные особенности облика и поведения человека. Практика показывает, что подзащитный нередко хочет понравиться защитнику, для чего демонстрирует свои положительные качества, рассказывает о своих достоинствах. Если возникает такое направление в беседе, то его целесообразно поддержать. Интерес к собственной личности, к своим достоинствам универсален, поэтому беседа на данную тему практически всегда вызывает положительную реакцию подзащитного и является платформой для формирования контактных отношений.

Психологический контакт между защитником и подзащитным – это полифункциональное межличностное согласованное деловое взаимодействие, основанное на доверии и обеспечивающее получение обоими информации по делу с соблюдением процессуальных норм и законных средств защиты. Установление контакта не всегда является выполнением заранее разработанных психологических рекомендаций, выработанных эмпирическим путем адвокатской практикой, а представляет собой результат анализа личности подзащитного адвокатом и выбора таким психологическим проб, которые представляются наиболее эффективными в данном конкретном случае.

Итак, отношения между защитником и подзащитным только тогда могут привести к полному контакту, если они будут основываться на доверии. Достижению этой цели во многом способствуют нормы уголовно-процессуального закона. Так, ст. 60 УПК Республики Беларусь охраняет профессиональную тайну адвоката-защитника. Она гласит, что защитник не может допрашиваться в качестве свидетеля по тем обстоятельствам дела, которые стали ему известны в связи с выполнением своих обязанностей. Это положение закона создает полную возможность хранить адвокатскую тайну, обеспечивает правильные взаимоотношения между защитником и подзащитным, создает психологические гарантии доверия. Это чрезвычайно важно, ибо без полного доверия подзащитного к адвокату не может быть подлинной защиты. Созданию атмосферы доверия также в значительной степени способствует норма, закрепленная в законе, предусматривающая право защитника иметь свидание с подзащитным наедине. Это создание для обоих участников реальную гарантию доверительного общения, возможность друг друга, откровенно и спокойно побеседовать по существу интересующего их дела, тщательно проанализировать имеющиеся доказательства, разработать соответствующую тактику защиты.

Выше отмечалось, что одной из целей установления психологического контакта защитника с подзащитным, находящимся в трудной ситуации (испытывающим стресс и фрустрацию), является оказание ему адвокатом психологической помощи. В какой конкретно помощи защитника нуждается подзащитный? Последнему необходимо преодолеть состояние страха,

растерянности, агрессивности, в целом – состояние психической дезорганизованности. Для преодоления упомянутых отрицательных состояний защитнику необходимо: вернуть подзащитного в уравновешенное состояние и попытаться внушить ему мысль о том, что невозможно достичь какого-либо оптимального результата без душевного равновесия; преодолеть агрессивность и стереотипность (слепое повторение фиксированных реакций) в поведении подзащитного; добиться психологической совместимости с подзащитным, подразумевающей обоюдное желание выхода из трудной ситуации; подавить личные обиды, антипатии, возникшие в ходе общения; устранить какую-либо наигранность и натянутость в процессе общения с подзащитным; избегать «показной жалости» к подзащитному; подготовить подзащитного к проведению следственных действий. Следует помнить, что защитник должен быть при этом искренним с подзащитным. Умелое определение способа выхода из трудной для подзащитного ситуации, проявление тактичности, чуткости, человечности – первоочередные меры по оказанию помощи подзащитному [2, с. 178].

Процесс общения между защитником и подзащитным сопровождается рядом трудностей, вызываемых в первую очередь психическим состоянием, в котором находится обвиняемый, особенно содержащийся по стражей. К числу состояний обвиняемого, отрицательно влияющих на его психику, мыслительную деятельность, способствующих формированию у него барьеров общения, относятся стресс и фрустрация.

Неровно психическое напряжение (стресс) – обычное состояние большинства обвиняемых. Психические же состояния напряженности невинных подследственных более глубоким и интенсивным, более продолжительным. В механизме образований и протекания этих состояний действуют такие факторы, как привыкание, готовность к напряжению, опыт, вынесенный из переживания аналогичных состояний в прошлом.

У лица, действительно совершившего преступление, происходит некоторая внутренняя подготовка к возможному и допускаемому им привлечению к уголовной ответственности. У невинного такая внутренняя готовность отсутствует: он не совершал преступление, ничего в этой связи не опасался и ни к чему подобному не готовился. При этом, возможно, лицо никогда ранее не сталкивалось с следственными органами и не имеет ни какого практического опыта поведения в таких ситуациях.

Рассматривая ситуацию расследование как безусловно стрессовую, необходимо иметь в виду, что она вызывается различными стрессорами. Главный из них – угроза личному благополучию человека и его близких. При этом не имеют значения, существует ли такая угроза объективной или ситуация лишь оценивается лицом как крайне угрожающая.

Привлечение к уголовной ответственности, угрожая благополучию, касается не только условий физического существования, но и, что более важно, социального статуса личности, ее престижа, принадлежности к определенной социальной группе, ее самооценки, жизненных планов и других значимых ценностей. Значение объективно существующей угрозы усугубляется субъективным отношением к ней, ее оценкой.

Далее, при избрании меры пресечения, связанной с лишением подследственного свободы, происходит резкая смена жизненного стереотипа, образа жизни. В силу этого заключение под стражу само по себе относится к мощному стрессору, вызывающему у человека глубочайшее нервно-психическое напряжение длительного действия.

И, наконец, стрессовый характер ситуации, возникающий в результате привлечения лица к уголовной ответственности, может усугубляться в связи с тем, с каким противодействием оно сталкивается. Напряженность ситуации во многом определяется поведением следственного работника, его противодействием некоторым стремлениям подследственного. Если следователь игнорирует любые попытки оправдания, отвергает доводы обвиняемого, то такое поведение неизбежно усиливает напряженность, степень которой значительно возрастает, если при этом проявляется необъективность, тенденциозность – ущемление прав обвиняемого, нарушение закона относительно допустимости и обоснованности принудительных мер.

Другим отрицательным состоянием, возникающим у подследственных, является фрустрация – крайняя дезорганизованность сознания и деятельности вследствие столкновения с непреодолимыми препятствиями и депривация (ограничением) жизненно важных потребностей человека. Фрустрация – это переживание тупика и безысходности, которое может и не соответствовать реальной ситуации, но оценивается человеком именно так.

Наиболее мощным фрустрирующим воздействием на подследственного является лишение свободы.

Камерная изоляция прерывает привычные социальные контакты, ограничивает возможность общения с людьми, особенно близкими, значительно ограничивает количество поступающей и перерабатываемой информации. Ведь общение является важнейшей потребностью человека, условием его нормальной жизнедеятельности, вот почему, лишаясь контактов, человек испытывает значительные трудности. Арестованный пребывает в состоянии не только социальной, но и физической изоляции, лишается привычной обстановки, связей, изменяется его уклад жизни, он вынужден пребывать в состоянии бездействия. К этому следует добавить нравственные и физические страдания, связанные с лишением свободы, неизвестностью будущего. Отсюда чувства тревоги, растерянности, сомнения, а то и отчаяния и безысходности. Особенно глубокую психическую травму способен причинить арест невиновному. Во многих случаях самооговор является прямым результатом лишения свободы.

Психическое состояние заключенного под стражу благоприятно для любого внешнего воздействия и часто используется сокамерниками из числа рецидивистов для негативного воздействия на него, приобщения его к своей преступной субкультуре. Находятся и такие «наставники», которые, выступая в качестве добровольных помощников, склоняют арестованного к признанию, запугивая его, убеждая в бесполезности сопротивления. Именно эти невидимые для следователя влияния являются причиной многих следственных ошибок.

«В связи с этим, – отмечает П.Д. Баренбойм, – необходимо напомнить, что заключение под стражу, в том числе и краткосрочное лишение подозреваемого свободы, налагает дополнительную ответственность на следователя за психическое состояние арестованного. Это только вынужденная мера против уклонения виновного от ответственности и совершения им других преступлений, а не средство воздействия в целях получения желательных показаний».

Если состояние стресса дезорганизует психическую жизнь подследственного, препятствует правильному восприятию и оценке различных факторов, затрудняет осмысление ситуации в целом и выбор рациональной линии поведения, то состояние фрустрации, порождая чувство безысходности, крушения планов и отчаяния, может побудить подследственного прибегнуть к любым средствам, чтобы выйти из субъективно воспринимаемого тупика. Это стремление любой ценой положить конец фрустрирующим переживаниям настолько велико и притягательно, что в ход идут такие неадекватные действия, как ложное признание, покушение на самоубийство и т.д. Единственным человеком, способным на помощь подследственному в этих трудных ситуациях, является защитник [2, с. 198].

В виктимологии содержатся многие основополагающие положения:

а) рассматривается понятие «жертва» (называется пять групп жертв: совершенно невиновная («идеальная») жертва; жертва с легкой виной; жертва, равно виновная с посягателем; жертва более виновная, чем посягатель; исключительно виновная жертва);

б) вводятся понятия «уголовная чета» (дисгармоничное единство носителя агрессия и жертвы, и наоборот, гармоничное единство, как, например, бывает при криминальном аборте со смертельным исходом), «кандидат в жертвы», «добровольная жертва», «жертва-provocator», «жертва-агрессор», «индекс жертвенности»).

Содержание понятия (и реальное положение) потерпевшего от преступления как физического лица в социально-психологическом плане связано с его статусом (совокупностью прав, обязанностей, кругом деятельности как в рамках уголовного процесса, так и вне его), позицией (поведением в зависимости от отношений между потерпевшим и преступником, потерпевшим и другими лицами, включая сопотерпевших) и ролью в криминогенно-криминальном механизме. Эта роль может быть активной и пассивной, осознанной и неосознанной, решающей и второстепенной; ограничиваться непосредственно ситуацией причинением вреда и быть важнейшим элементом формирования преступника в этом его качестве и др. Соответственно жертва преступления может быть активной и пассивной; осознающей сущность и последствия своего поведения или остающейся в неведении; близко связанной с причинителем вреда и вовсе с ним незнакомой; способной или не способной к сопротивлению и др.

Жертва способна своим образом жизни благоприятствовать совершению преступления в отношении ее: – может создавать объективные и субъективные условия (например, сильно выделяться в социальном плане или, наоборот,

изолироваться от общества); – может пренебрегать мерами предосторожности, и тем самым, подвергать себя риску; – неверная психологическая трактовка процесса виктимизации может привести к отклонениям в поведении (64 % людей, ставших в детстве или юности жертвами преступлений, во взрослом возрасте становятся преступниками, а те их них, кто не был в юности жертвой, – только 22 %); – жертва может сыграть важную роль в процессе мотивации преступника тем, что способна втягиваться в этот процесс помимо своей воли (то, как она оценивает преступника, может послужить оправданием преступников своих действий); – у преступников происходит деперсонализация и деиндивидуализация жертвы (она начинает рассматриваться как не имеющая ценности). [1, с. 135].

Таким образом, сторона защиты, опираясь на особенности жертвы, может оказать влиянием на приговор в деле своего подзащитного.

Заключение

- Установление психологического контакта между защитником и подзащитным в ходе уголовного судопроизводства имеет существенное, как психологическое, так и процессуальное значение;

- Проявление доверия между защитником и подзащитным – это залог успеха в действиях защитника и оказания психологической помощи подзащитному;

- Использование виктимологических аспектов в деятельности защитника в конечном итоге должно быть направлено на успешное решение задач защиты в уголовном деле.

Список литературы

1. Бумаженко, Н.И. Виктимология: учеб. пособие / Н.И. Бумаженко. – Витебск УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005 – С. 135;

2. Шиханцов, Г.Г. Юридическая психология: учебник / Г. Г. Шиханцов. – Москва: Зерцало, 1998. – 352 с.

Соркин Владимир Семенович, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», кандидат юридических наук, доцент, kaf_krimproc@grsu.by